

Леонид
ФИЛАТОВ:

Бог дал мне жизнь, чтобы я ее попусту не тратил!

Рос. газета. - 1998. - 26 дек. - с. 4

В последнее время Леонид Филатов очень много работает. Одна за другой выходят его авторские программы на ОРТ "Чтобы помнили..." Только что он дописал последнюю страницу своей новой пьесы по роману Шодерло де Лакло "Опасные связи".

— Кажется, что не может быть ничего более далекого от современной жизни, чем любовные похождения французских маркизов XVIII века. И вместе с тем именно в последние годы в мировом киноискусстве созданы две версии этого романа. А сейчас и вы сделали крутой поворот от грубоватых народных сказок к Франции XVIII века. Чем это можно объяснить?

— Думаю, что это необъяснимо. Помните, как в семидесятые годы во всем мире вдруг стали ставить "Трех мушкетеров"? Почти одновременно появились три киноверсии: французская, американская, русская. Розовский и Ряшенцев поставили "Трех мушкетеров" в Московском ТЮЗе — я там играл Д'Артаньяна. А с покойным Соловьевым-Седым имел честь работать над музыкальной комедией "Подвески королевы" как автор текста.

Честно говоря, я не был под большим впечатлением картин по "Опасным связям", и они не заставили меня перечитывать

роман. Это довольно занудное чтение. Но мы уже так привыкли ставить "На дне", со всякими ночлежками, бомжами, моргами, что захотелось мытых шей и белых париков. Когда я в конце концов одолел роман, то понял, что под куртуазной пудрой преподнесена очень жестокая и циничная история, что из этого романа можно сделать стилизованную пьесу, имеющую прямое отношение к нашему времени. Но больше всего меня привлек культурный слой — время Вивальди, Моцарта, Буше, Фрагонара, Ватто...

— Одной из сквозных тем вашего творчества всегда была судьба артиста. И это не только "Чтобы помнили" и "Сукины дети". Она звучит даже в сказке "Любовь к трем апельсинам"...

— Наверное, если бы я не знал эту жизнь изнутри, то так часто об этом не задумывался. Но тут много других соображений: например, о вечной миссии шу-

та. Известно — шуты всегда могли говорить правителям правду в лицо, подвергаясь за это репрессиям меньше, чем остальные люди. Им было позволено, поскольку они как бы дураки. Лицедейство — одно из самых древних искусств. Технологии могут умирать, буксовать (как, скажем, сегодня буксует кино), а театр страдает, но живет. Это вечно живое искусство, потому что в нем главное — человек. Скажем, ничего нет: ни декорации, ни музыка, но есть артист. Лампу на него направить — и уже театр. И еще — театр на разных этапах нашей жизни становился единственным местом, где можно было разговаривать вслух на запретные темы. В свое время это театр Мейерхольда, в свое — МХАТ, в свое — Театр на Таганке. Хотя это скорее был лишь советский кайф, другим непонятный.

— Каждый ваш выпуск "Чтобы помнили..." вызывает у зрителя чувство вины перед человеком, о котором в нем рассказывается. Да, жестокий мир не принимает людей искусства, недостаточно бережно к ним относится. Но ведь каждый человек ответствен за свою судьбу, а вы как бы снимаете со своих героев эту ответственность...

— Я не имею права их судить. И в то же время ни в коем случае не хочу оправдывать пьяницу или лодыря. Поэтому упрек, который невольно звучит в передачах, — это как бы общий упрек всем живым в несовершенстве этого мира. Конечно, живущие люди всегда виновны перед теми, кого уже нет, конечно, те, кого уже нет, в чем-то и сами виноваты. Как говорят, живого всегда есть в чем упрекнуть. "Тот-то режиссер виноват в гибели такого-то артиста, такая-то жена погубила такого-то..." Я стараюсь не вытаскивать этого на экран, а

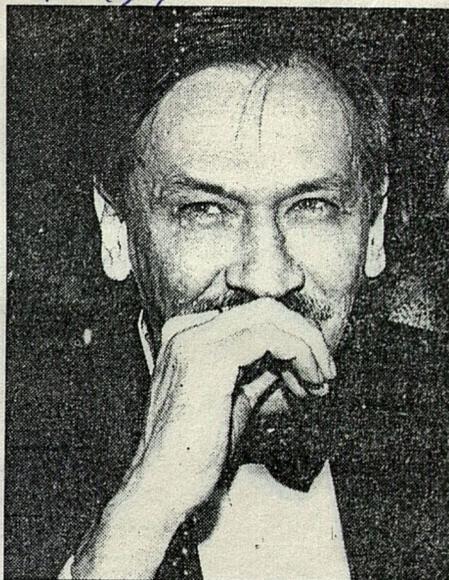


Фото Владимира ЕШТОКИНА

если нечто подобное проскльзывает, то не по моей воле.

— Как вам представляется, в чем секрет всенародной любви к вашей программе? В том, что людям нравится вспоминать о хорошем?

— И в этом тоже. Но я думаю, что, глядя на знакомые лица, людям жалко и своей прошлой жизни. И не потому, что она была такая уж хорошая, просто для многих она была молодая. Как и для нашего поколения, и для поколения наших родителей. Но люди часто путают и им кажется, что они тоскуют по тогдашнему строю. Видимо, потому, что слишком затоптанным, обгаженным, оклеветанным. Люди интуитивно этому сопротивляются и в моей передаче находят некое согласие со своими соображениями. Думаю, что все дело в этом.

— Все вы сделали пятьдесят одну передачу. В конце пятьдесят первой прошел титр о том, что эта — последняя. Почему?

— У ОРТ нет денег. А больше никто не предлагает продолжать этот цикл.

— Вы как-то сказали, что хотели бы сделать еще пятьдесят...

— Это лирика. Она вряд ли осуществима. Я назвал эту цифру, исходя из своих реальных

долгов перед людьми. Кому-то я пообещал, с чьими-то близкими я уже договаривался, что-то было уже снято, какие-то сложились изображения... Так набирается пятьдесят гипотетических передач, пятьдесят имен. А я, может быть, хотел бы сделать и двести, да боюсь, жизни не хватит. Я удивляюсь, когда говорят "ваша тема". Тема не моя — она вечная.

— Для многих людей искусства жизнь в искусстве важнее, чем просто жизнь. Для вас так?

— Нет. Безусловно, можно пойти на многие лишения во имя творчества, но это не значит, что я ставлю здоровье и благополучие близких на второй план. Для меня всегда это было важнее. Главное — жизнь. Жизнь — это дар Божий.

— А что вы больше всего любите в жизни и с чем вам труднее всего смириться?

— Я люблю многое. Презираю дураков, трусов, но больше всего — ненадежность, непредсказуемость. Остальное худо-бедно можно поправить, а с чем-то смириться. Сейчас это модное качество: и тот непредсказуемый, и этот... А я таких терпеть не могу — от них не знаешь чего ждать. Так что больше всего не люблю ненадежность, больше всего ценю надежность.

— Какое место в своей системе ценностей вы отводите любви? Ведь, как сказал поэт, "мир движется любовью"...

— Я думаю, что слово "любовь" здесь нужно понимать в христианском смысле. Это самое главное понимание любви сейчас забыто. О любви говорится много — любовь-секс, извращенная любовь, "натуральная" любовь, связанная с постелью, со страстями. Но есть же христианская любовь. Ею-то и спасется мир, если спасется.

— Какие у вас планы на будущее?

— Жизненные — выжить. А творчески много, но я боюсь говорить о них, потому что я расскажу об одном, а начну делать совершенно другое.

— Вы сейчас очень много работаете. Жена говорила, что даже по ночам...

— Да. Я думаю, Бог дал мне жизнь, чтобы я ее, как в молодости, попусту не тратил.

Беседовала
Татьяна СЕМАШКО.